

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

**СЕКЦИЯ 11.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA**

**А.К.Алексеев
(ВФ СПбГУ)**

**Журнал «Захаир-и инкилаб»:
жизнь иранских кочевников в периодической печати Ирана**

Исламская революция, 30–летие которой отмечается в этом году, привнесла серьезные изменения в жизнь многонационального Ирана: сменилась форма государственного устройства и форма правления, изменились векторы внутренней и внешней политики, произошла трансформация идеологических установок. Масштабные изменения затронули все слои иранского общества, коснулись они и жизни народностей, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни.

Вследствие экологических и экономических факторов, кочевники представляют собой особую формацию традиционного общества. В этом отношении они менее восприимчивы к внешнему воздействию. Достаточно хорошо организованные (и вооруженные) кочевые объединения занимают важное место во внутривосточной и экономической сферах страны. Для управления и разрешения вопросов, связанных с кочевниками, в Правительстве Исламской Республики было организовано специальное ведомство *Сазман-и умур-и ‘ашаир-и Иран*, которое структурно входит в состав *Министерства сельскохозяйственного джихада*. Власти ИРИ осознают необходимость контроля и идеологической пропаганды, а также образовательной деятельности в сферах, связанных с кочевническими объединениями. Все эти задачи возложены на ежеквартальный журнал *Захаир-и инкилаб (Закрома революции)*, который призван отображать жизнь иранских кочевников, их достижения, проблемы и т.д.

Как отмечает глава Организации по делам кочевников ‘Али Акбар Басри, «*Захаир-и инкилаб* – единственное периодическое издание общегосударственного уровня, специально созданное для того, чтобы сформировать поле обмена мнениями между исследователями, исследовательскими сообществами, заинтересованными лицами и благородными представителями самих этих обществ...»

Журнал содержит ряд традиционных рубрик:

- *дидгах* (точка зрения). Данная рубрика отводится для представителей властных структур или духовных авторитетов.
- *шинахт-и илат ва ‘ашаир* (представление областей и племен). В

разделе описываются обычаи и традиции какого-либо из кочевых округов (*ил*) или племенных объединений (*'ашира, таифа, кабила*).

– *кучандаги дар дайар-и дигаран* (кочевничество в других странах).

Раздел приводит исследования, в том числе и переводные, по этнографии, социально-экономическому положению кочевников.

– *'ашиар ва тавси'а* (кочевники и прогресс). Исследования по социально-экономическому положению иранских кочевых сообществ.

– *иттиала'расони ва му'арифи-йи китаб* (информация и анонсы).

Представляются различные публикации и мероприятия, тематически связанные с жизнью кочевых сообществ.

А.К.Алексеев
(ВФ СПбГУ)

***К вопросу об эволюции религиозных представлений народов
Центральной Азии: мазар Бимодук***

Религия занимает одно из главных мест в идеологии и мировосприятии традиционных обществ. На территории Центральной Азии господствовали различные идеологические системы. С VIII в. определяющим фактором духовной жизни народов региона становится *ислам*. Пестрая этническая картина Центральной Азии, наличие локальных религиозных традиций преобразились в сложный синтез местных религий с *исламом*, породив его особую *региональную* (или *малую*) форму. Одним из ярких примеров подобного синтеза и эволюции религиозных представлений народов Центральной Азии является *мазар Бимодук*, расположенный в к. Мулводж Ишкашимского р-на ГБАО Республики Таджикистан.

Бимодук представляет собой святилище, расположенное в бывшем зернохранилище (*хазина, ганджина*) двух совмещенных между собой традиционных памирских домов (*чит*). По сведениям местного жителя Резо Исломов (1950 г.р.), *мазар* находился на данном месте еще со времени переселения в этот район предков основателей кишлака, которые, по преданию, пришли из долины Абхар (Северный Афганистан). Изначально он представлял собой большой круглый камень, вокруг которого позднее был построен дом. К *мазару* совершают паломничество преимущественно жители Мулводжа и родственники семей Исломовых и Одинаевых. Дни *зийарата* – среда и пятница, кроме того, мазар посещают в дни мусульманских праздников и иранского нового года – *нооруза*. До начал 1990-х гг. дом был жилым, помещение *чита*, в котором расположен мазар, использовалось для отдыха. По традиции, хозяева и гости располагались для сна головой к мазару, который должен был «отгонять плохих духов» (*зул*).

Расположение *мазара* в *ганджине* и комплекс связанной с ним обрядности символизирует древний земледельческий культ иранских народов; наделение камня причудливой формы чудодейственной силой также является одной из традиционных форм проявления доисламских верований. Обряд зажигания огня в специальном месте комплекса (*аташдан*) демонстрирует сильное влияние зороастрийских традиций, на что также указывает один из дней посещения (среда). Все эти традиции успешно соединяет в себе *низаритская* ветвь *исмаилитского мазхаба*, которого придерживается подавляющее большинство местных жителей.

Е.Б.Барина

(РУДН; Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)
Керамические комплексы средневековых поселений как источник по этноистории Восточного Приаралья

Важным источником для изучения этноистории на территории Восточного Приаралья в период Средневековья явился керамический материал с памятников Уйгарак, Мурзалы и Иркибай.

С конца 60-х годов керамика Средней Азии и Казахстана общепринято делится по технологическому принципу на две группы: лепную и изготовленную на гончарном круге. В процессе изучения вышеуказанных памятников удалось провести подробную классификацию их керамических комплексов внутри обеих групп.

Керамика I группы поселений Уйгарак, Мурзалы и Иркибай изготовлена ручной лепкой, хотя в некоторых случаях сосуды имеют следы подправки на круге. Она характеризуется костровым обжигом. Ангоб имеет разные оттенки серого цвета, но изредка встречается и кремевый. В качестве примесей чаще всего использовались шамот¹ и песок, реже дресва², известь, гипс или органика. Эта керамика не находит аналогий в комплексах развитых среднеазиатских государств. Она, вероятно, могла сформироваться на территории Восточного Приаралья и быть связана с миграциями кочевых и полукочевых племен в VIII–IX вв. Факт обнаружения грубой лепной керамики на поселениях Уйгарак, Иркибай и Мурзалы подтверждает предположение, что они использовались как зимовки средневековых кочевников.

Керамика II группы имеет гончарный обжиг и произведена на круге быстрого вращения. Она имеет плотное тесто с примесями песка, шамота, реже – извести, дресвы, гипса. Среди керамики II группы

¹ Шамот – фрагменты измельченной керамики.

² Дресва – речной песок, мелкий щебень.

встречается как поливная, так и неполивная. Эта керамика аналогична хорезмийской XII–XIV вв., причем типы орнаментов восходят к афригидскому периоду VI–VIII вв. Керамика XII–XIV вв. относится ко времени наивысшего хозяйственного расцвета и политического могущества Хорезма.

Исследования керамического материала средневековых поселений Приаралья подтверждают извлеченные из письменных источников сведения по этнической истории этого региона. С X–XI вв. поселения были обжиты кочевыми племенами огузов, а затем кыпчаков, т.е. раньше прихода на эту территорию хорезмийских колонистов. В XII в. заняты и обжиты хорезмийцами, которые принесли сюда не только керамику, украшения и предметы домашней утвари, но и топографические и архитектурные особенности метрополии. Возможно, Хорезмшахи основали свои колонии на уже обжитых кочевниками землях, чтобы тем самым утвердить свое главенствующее положение в Приаралье.

А.К.Бустанов

(Омский филиал Института археологии и этнографии)

Ранняя редакция сочинений об исламизации Сибири

В ходе предпринятого в последнее время поиска рукописей об исламизации Сибири были исследованы три текста, относящихся к ранней редакции таких памятников: «Грамота хранителя Юрумской Астаны» из частной коллекции, «*Та'рих*» из собрания Института восточных рукописей РАН и «*Аш-Шаджарату-л-аулия' мин билад Мавара'аннахр*» из Архива востоковедов в Петербурге. Представим итоги изучения этого комплекса.

В отличие от более поздней редакции (XVIII век), эти тексты достаточно кратки, но имеют общую с ней структуру: введение с размышлениями о видах святых, обстоятельства прихода суфийских шейхов в Сибирь, каталог святых мест (*астана*), цепь смотрителей (*муджавир*). Поход шейхов датируется здесь с разбросом (950 и 1030 г.х.), но всегда ассоциируется с инициативой знаменитого пира Баха'аддина Накшбанди.

Один из этапов насаждения ислама связан в этой редакции с именем легендарного князя по имени Тайбуга-бий. Впервые о «князьях Тайбугина роду» узнаем из письма Кучуму Федора Ивановича (1598 г.), затем легенды о Тайбуге фиксировали летописец С.У. Ремезов (вторая половина XVII в.) и историограф Г.Ф. Миллер (начало XVIII в.). Есть все основания считать этот сюжет узколокальной легендой, зародившейся в окрестностях с. Усть-Ишим (север Омской области), а

более конкретно – сюжет связан с селением Улуг-Буран. Дело в том, что здесь расположено одно из культовых мест сибирских мусульман – могила шейха Бигач-Ата. Рукописи указывают, что его наставником был господин Джалалиддин из Бухары. В конце XVI века он отправил в упомянутое селение своего ученика Абдал-шейха, дабы тот основал династию смотрителей святыни. Его потомки благодаря сохранившейся родословной известны вплоть до начала XX века. Независимый источник «Трактат о родословии» (сер. XVII в.) подтверждает сведения рукописей: известен Абдал-шейх, сопровождавший в 980 г.х. прочих 'улама' из *Мавара'аннахра*.

Приведенные данные позволяют датировать составление ранней редакции текстов об исламизации Сибири XVII веком и связывать его с функционированием культа святого близ селения Улуг-Буран. Значение этого круга памятников заключается в отражении взаимоотношений «Сибирь – Средняя Азия» в исламском дискурсе.

Н.Е.Васильева
(ВФ СПбГУ)

***Археологические изыскания К.А.Иностранцева:
исследование погребального обряда и оссуариев***

Находки оссуариев – глиняных костехранилищ в Туркестане привлекли внимание ученых XIX века. Находки каменных оссуариев в 1888 г. в Иране, около Бушира, в 1899 г. – в Самарканде, в еврейском доме; в начале XX века – в Ташкенте и его окрестностях, а также в других местах вызвали большой интерес специалистов и обратили на себя внимание К.А.Иностранцева, который поставил два вопроса: о территории распространения оссуариев и о культуре, к которой они принадлежали.

К.А.Иностранцев отметил, что значительное число находок на территории Туркестана и Ирана и отсутствие аналогичных костехранилищ в исламе позволяет предполагать, что оссуарии являлись атрибутом коренного населения этих районов. Он указал на обряд очищения костей от плоти перед погребением и привел сведения из статьи Дж.Дж.Моди, указавшего на Видевдат, согласно которому по приказу Ахурамазды кости покойника складывали в костехранилища – «астоданы». Кроме того, в Датистани-Диник также предписывается, что после того, как плоть трупа, выставленная на «дахму», будет съедена птицами или хищниками, кости следует собрать в костехранилища – «астоданы».

К.А.Иностранцев указал на вывод Казартелли о том, что персидские и туркестанские оссуарии близки по величине, кости в них

лежали в беспорядке, были переломаны и присыпаны мелким песком или мелкой землей. Большинство туркестанских оссуариев имели декоративный орнамент. Казартелли выделил три типа оссуариев: (1) из камня, (2) из глины, (3) из ткани (мешки, которые использовали предки дагестанских кубачей – «зирихгераны»).

К.А.Иностранцев обратил внимание на слово «дахма» («башня молчания») в «Истории Хамзы Исфгани» как на термин, обозначающий место для положения трупа на съедение птицам и животным; слово «наус» (ناولوس) он считал соответствующим слову «астодан». Он также привел сообщение Табари о том, что тела иранцев, погибших в борьбе с царем эфталитов Ахшунваром, были захоронены в «наусах».

К.И.Иностранцев считал, что вопрос о погребальном обряде в Западном Туркестане следует сопоставить с ритуалами маздеизма в этнографическом отношении и с традициями сасанидского искусства – в художественном.

В XX столетии археологические раскопки на территории Средней Азии выявили целый ряд новых захоронений. Большой интерес представляет сопоставление полученных данных с выводами К.А.Иностранцева.

Г.Д.Данильченко
(Кыргызско-Российский Славянский университет, Киргизия)
Киргизско-русский словарь К.К. Юдахина
как источник по истории и культуре киргизов

Одним из источников по истории и культуре киргизов является «Киргизско-русский словарь», составленный К.К. Юдахиным. Этот фундаментальный национально-русский словарь является важным пособием для специалистов по киргизскому фольклору и киргизской литературе, для историков и этнографов, так как кроме обычного лексического материала словарь содержит множество историко-этнографических справок и материалов.

Важную роль в словаре выполняет историческая и культурная информация, заложенная в общеупотребительной лексике – самом мобильном и гибком пласте лексики, откликающимся на все изменения в жизни народа. Архаизмы, большинство из которых встречается в богатырском эпосе, особенно интересны как источник сведений о народной культуре и истории народа.

Анализ заимствованной лексики позволяет установить происхождение слова, определить географию межкультурных контактов киргизского народа, что весьма важно при исследовании его истории и

культуры. Используя факты языка, легко установить связи одного народа с другим, и в этом смысле словарь К.К. Юдахина дает богатый источниковедческий материал. Ссылки, обозначающие заимствования, свидетельствуют о межкультурных связях киргизов с иранцами, арабами, монголами, китайцами, русскими и другими народами.

В словаре богато представлен иллюстративный материал: пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания, идиоматика, отдельные фразы и цитаты из произведений. Источниковедческая ценность этих материалов несомненна.

Важно отметить, что составитель словаря не является носителем киргизского языка, это русский ученый, обладающий тонким языковым чутьем, который совместно с киргизскими исследователями долгое время не только собирал лексикографический материал, но и изучал быт, историю и культуру киргизского народа. К.К. Юдахин в полном смысле является подвижником русской культуры в Киргизии, что в современных геополитических условиях приобретает важнейшее значение и служит источником длительных русско-киргизских добрососедских взаимоотношений.

Таким образом, материал словаря К.К. Юдахина, зафиксировав определенное состояние киргизского языка на середину XX века, с одной стороны, позволяет изучать характер киргизского народа, его культуру и историю, с другой – сопоставить современные аспекты киргизской истории и культуры с недавним и далеким прошлым.

*З.А. Джандосова
(ВФ СПбГУ)*

Дост-Мухаммад-хан в Бухаре

Изобилующий подробностями эпизод пребывания кабульского эмира Дост-Мухаммад-хана (1834 – 1839; 1842 – 1863) в изгнании в Бухаре в начальный период первой англо-афганской войны (1838 – 1842) содержится в афганском сочинении «Сирадж ат-таварих». Подробности эти интересны для характеристики образа Бухары в афганской историографии, а также для изучения отношений между Кабулом и тюркскими бекствами Южного Туркестана. Бухарский эмир оказал изгнаннику крайне недружественный прием, который, возможно, повлиял на последующее решение эмира сдать англичанам.

«Сирадж ат-таварих» сообщает о том, почему было принято решение направиться не в Иран, а в Бухару (эмир якобы прибег к гаданию на «благородном маснави»). Дальнейший текст характеризует Бухару как крайне недружественное государство, противопоставляет «подобающий» прием, оказанный эмиру правителем Ташкурмана, и

«неподобающий» прием со стороны эмира Насраллах-хана (1826–1860), вызвавший отъезд Дост-Мухаммада. Говорится о «коварстве» и «не знающем жалости тиранстве» бухарского монарха, о его замыслах утопить афганца при переправе через Аму-Дарью и решении того вернуться под домашний арест в Бухару, вызванном желанием достойной смерти: «Лучше быть зарубленным, нежели утопленным».

Бухара воспринимается афганцами как суровая северная страна, где идет снег, и взрослые вынуждены согревать замерзающих детей своим дыханием. Описываются притеснения, оказанные эмиру и его семье по возвращении в Бухару, побег старших сыновей эмира и их сражение с отрядом бухарцев, численно во «сто раз» превосходивших храбрых сардаров, которые сражались, пока у них оставались патроны и порох. Эпизод призван подчеркнуть исключительную доблесть афганцев. Далее описывается побег самого эмира и его скитания в Шахрисябзе, где ему *не* оказали помощь местные дервиши, но помог местный афганский купец, а затем правитель Шахрисябза, враждовавший с бухарским эмиром. Дальнейшую помощь афганцу оказали уже узбекские правители Кундуза и Ташкурмана.

С.В.Дмитриев
(ИВ РАН, Москва)

«Стела о заслугах поколений идикотов» как важнейший источник по истории уйгуров и уйгурского Турфанского княжества

Уйгурское Турфанское княжество было основано в середине IX в. после падения Уйгурского каганата, разгромленного киргизами. Часть уйгуров отошла на юго-западные окраины своей бывшей империи и основала государство, которое благодаря своему выгодному положению на торговых путях, контролю над плодородными почвами Турфанского оазиса и осторожной политике правителей сумело сохранить свою независимость и просуществовало вплоть до середины XIII в., когда оно, формально оставаясь независимым, на деле стало одной из провинций Монгольской империи.

Путешественники и археологи конца XIX – начала XX в. обнаружили немало свидетельств истории и культуры Уйгурского княжества – это и величественные развалины Идикут-шари, и всемирно известные росписи Безеклика, и множество фрагментов хозяйственных документов. Все это свидетельствует о том, что обитатели Уйгурского княжества не только были умелыми садоводами и торговцами, но и являлись носителями высокой и своеобразной культуры, одной из наиболее интересных культур Шелкового пути. Однако, по неизвестным нам причинам, до нас фактически не дошло исторических

хроник уйгуров, освещающих жизнь княжества в IX – XIII вв., почти все, что мы о ней знаем, известно нам из рассказов путешественников и описаний иноземных авторов.

В этой ситуации особенную важность приобретает «Стела о заслугах поколений идикутов», двуязычная стела, установленная в 1334 г. в Ганьсу на могиле одного из последних идикутов. Стела повествует о легендарном рождении первых уйгурских каганов, истоках рода идикутов, а также о последнем этапе существования княжества, когда идикут Барчук Арт-тегин принял решение добровольно признать сюзеренитет Чингис-хана. Его потомки, жизнь и достижения которых описываются в стеле, верно служили великим ханам, несмотря на то, что, в силу ряда причин, скоро потеряли всякую реальную власть в своих землях и были переселены в Ганьсу.

Стела является уникальным источником по истории уйгуров и Уйгурского княжества в XIII – первой половине XIV вв., описывает крайне интересную концепцию происхождения и возвышения Уйгурской империи, выработанную к этому времени турфанскими уйгурами и оказавшую большое влияние на первых правителей Монгольской империи, которые, по всей видимости, во многом следовали этой концепции при построении собственной империи.

Ю.И.Дробышев

(Институт проблем экологии и эволюции РАН, ИВ РАН, Москва)
Западная политика киданей

Г.Е. Грумм-Гржимайло в свое время заметил: «Неизвестна нам также и политика, которой держались кидани на западе». Внимание историков больше привлекали действия этого народа в отношении Китая и восточных соседей. Киданьская экспансия в Центральной Азии началась в первой четверти X в. Кампания 916 г. была направлена на покорение народов, обитавших к югу от Гоби, и преследовала, кроме того, грабительские цели. В 924 г. Абаоцзи снарядил новую экспедицию в степи против туюйхуней, дасянов и цзубу (татар). На пути в Джунгарию он прошел через долину Орхона и посетил развалины бывшей уйгурской столицы Орду-Балыка, где приказал высечь надпись, чтобы увековечить свои деяния, но не разместил там гарнизон. Для чего понадобились эти походы? Приведение кочевников к покорности не предполагало присоединения их земель к своим. Но «прорубить окно» в Восточный Туркестан и Среднюю Азию имело смысл, чтобы без посредников включиться в трансконтинентальную торговлю. Однако отказ контролировать долину Орхона фактически означал отказ контролировать всю Центральную Азию.

При императоре Шэн-цзуне (983 – 1031) кидани предприняли попытку укрепить свое влияние в Центральной Азии и значительно расширили границы империи. В долине Орхона, в течение веков служившей политическим и сакральным центром различных кочевых государств, был построен город Кэдуньчэн. Хозяйственные работы там выполняли члены бохайских, чжурчжэньских и китайских семей, а также сосланных преступников-киданей. Скорее всего, аналогичен был состав населения и других киданьских городов в Монголии, которых известно около десятка. Степные города киданей служили местами дислокации гарнизонов и перевалочными пунктами для товаров. В окрестностях обычно сеяли хлеб.

Расширение границ вело к трудности содержания далеких гарнизонов. В годы правления Син-цзуна (1031 – 1055) считалось, что «нет службы более тяжелой, чем служба гарнизонов на западной границе». Отчасти поэтому политика Ляо в Центральной Азии очень походила на китайскую: «руками варваров обуздывать варваров».

Кроме того, просторы Центральной Азии служили местом выпаса государственных табунов и ссылки непокорных, а проживавшие там народы платили дань скотом и выставляли киданям воинские контингенты. Наконец, западная часть этого региона стала новой родиной для киданей, ушедших с Елюем Даши после гибели империи Ляо, но это уже другая тема.

Дилноза Дутураева

(Martin Luther University, Halle (Saale), Germany)

К вопросу о письменных источниках по истории Каракитаев

Государство Каракитаев (1124–1218) после победы в Катванской битве 1141 года установило свое господство на территориях современной китайской провинции Синьцзян (Восточный Туркестан), центральноазиатских республик Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и южного Казахстана. Каракитаи – единственная династия Центральной Азии, упоминающаяся в качестве китайской династии средневековыми историографами Китая. И единственная «иноверная» династия, которая правила на территории исламских государств, так и не приняв до конца своего правления ислам, как это было сделано, например, их предшественниками Караханидами или пришедшими к власти после Каракитаев Чингизидами.

Несмотря на уникальность этого государства, научных исследований по его истории сравнительно мало. Основной причиной этого обстоятельства является недостаток как материальных, так и письменных источников.

Не считая 30 главы китайского источника «Ляо ши», мы не имеем никаких обобщающих сочинений, посвященных истории этой династии. Исследования в основном базируются на отдельных сообщениях о Каракитаях, которые мы можем найти в мусульманских источниках, посвященных истории вассальных государств этой династии, а также в китайских источниках о соседних восточных государствах. Заметки китайских и европейских путешественников и миссионеров XIII века, таких как Елюй Чуцай, Чань Чунь, В. Рубрук и П. Карпини, которые посетили территории, входившие в состав недавно уничтоженного Каракитайского государства, также могут быть полезны в реконструкции быта и хозяйства Каракитаев. Но даже несмотря на существование этих источников при их использовании возникает целый ряд проблем.

– Китайские источники дают только общую информацию о государстве Каракитаев, опуская вопрос о взаимоотношениях с местными правителями.

– Использование мусульманских источников тоже требует тщательного анализа, так как в одном источнике могут встречаться разные версии об одном и том же событии.

– В обеих группах источников практически отсутствует информация о положении дел в восточных землях Каракитаев.

– Учитывая тот факт, что в китайских источниках дана информация в основном о ранней карьере Елюй Даши, основателя Каракитайской династии, а в мусульманских сочинениях больше описываются последние дни этого государства, сравнение этих двух групп источников является практически невозможным, а исследования по среднему периоду усложняются вдвойне в связи со скудными сведениями как в китайских, так и в мусульманских источниках.

В докладе будут рассмотрены эти и другие проблемы использования источников по истории Каракитаев.

*Экрем Калан
(Казанский ГУ)*

Сведения внешних источников о международных торгово-экономических контактах Золотой Орды

Источники о международных торгово-экономических контактах Золотой Орды разделяются на внутренние (археологические и тюркоязычные письменные источники) и внешние (рукописи путешественников, посетивших территорию Золотой Орды в XIII – XIV вв. и оставивших свои воспоминания по этой проблеме).

Произведения путешественников, на наш взгляд, являются одним

из основных источников по вышеозначенной теме. Наиболее яркие сведения по торгово-экономическим отношениям содержатся в записях таких путешественников, как Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло и арабский путешественник Ибн Баттута. Выбор данных путешественников обусловлен также тем, что они были представителями разных цивилизаций, в результате чего их оценки Золотой Орды кардинально отличались друг от друга. Цели, которые они ставили перед собой были разнообразными: непосредственно касающиеся торговли (сбор сведений о торгово-экономической ситуации), миссионерство, знакомство с новыми странами, разведка.

Практически во всех источниках содержатся сведения об отношениях представителей власти и торговых кругов Золотой Орды к иноземцам, об условиях пребывания купцов в городах Золотой Орды, их правах и обязанностях, о сборе дани с покоренных государств, о дорогах через степи Дешт-и Кыпчак, о работоторговле, о городах, в которых велась интенсивная торговля, об основных видах товаров, провозимых через Золотую Орду в различные государства Евразии (Иран, Византия, Генуя, Венеция, Египет, Китай, Индия, Монголия и т.д.), об устройстве базаров.

Особое место среди записок путешественников занимает произведение Ибн Баттуты, которое дает нам наиболее полную, яркую и реалистическую картину торгово-экономической, городской, социальной жизни Золотой Орды первой половины XIV в. Многие рассказы Ибн Баттуты по данной теме являются оригинальными, так как не имеют параллелей в других источниках.

Таким образом, рукописи путешественников представляют собой разносторонний исторический источник, дополняющий общеизвестную картину ценным материалом по международным торгово-экономическим контактам Золотой Орды в XIII – XIV вв.

Сердар Машарыков
(Туркменский ГИК, Ашхабад)

Новые научные данные относительно истории туркменского ковра

На территории Туркменистана, являющегося составной частью Центральной Азии, проводятся активные работы по исследованию истории туркменского ковра, являющегося символом туркменского народа. Большой вклад в изучение истории туркменского ковра был сделан выдающимся советским археологом Хлопиным, а также целым рядом туркменских ученых. Последние исследования в области археологии подтверждают положение о том, что туркменский ковер имеет древнюю историю протяженностью в несколько тысяч лет.

Основная часть доклада будет посвящена проблемам происхождения и древности туркменского ковра.

А.К.Нефедкин
(Теологический институт Церкви Ингрии, СПб)
Центральноазиатский поход Александра Македонского
в историографии Нового времени

Доклад рассматривает историографию вопроса, специально посвященную походу Александра Македонского по территории Средней Азии и Афганистана (330–327 гг. до н. э.), исключая общеисторические курсы и работы, в центре внимания которых стоят другие сюжеты. Хронология обзора – середина XIX – начало XXI в.

Одним из первых обратился к изучению сюжета знаменитый историк Й. Дройзен, исследовавший маршрут и топографию похода (Droysen 1834). С тех пор топографическое направление темы стало одним из основных (например, Ртвеладзе 2002). В частности, Ф. фон Шварц на основании своих путешествий по Средней Азии в 1880-х гг. в отдельной монографии детально проследил маршрут великого полководца в регионе (Schwarz 1893).

Другим сюжетом исследований являлось рассмотрение общего хода всей кампании и конкретных кампаний (Григорьев 1881; Ловягин 1917; Harmatta 1999; Щеглов 2005). Особый интерес современных советских исследователей вызывала борьба с македонским завоеванием согдийца Спитамена (Тревер 1947; Шофман 1955; Holt 1994; Щеглов 2001) и экспедиция Александра в Маргиану (Хлопин 1972; Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000; Сверчков 2005). Из монографических исследований можно отметить две специальные книги хьюстонского историка Ф. Холта, посвященные соответственно завоеванию Средней Азии и Афганистана (Holt 1988, 2002).

Е.В.Носова
(Кыргызско-Российский Славянский университет, Киргизия)
Источниковедение истории Русской Православной Церкви
в Киргизстане

Источники можно разделить на несколько периодов: дореволюционный, советский и современный (или постсоветский).

I период:

1. Работы дореволюционных отечественных туркестановедов,

занимавших административные должности в Туркестане (Г.А. Арендаренко, Л.Ф. Костенко, В.П. Наливкина, Н.П. Остроумова и др.).

2. Труды профессиональных ученых-туркестановедов (В.В. Бартольда, М.И. Венюкова, Н.Н. Веселовского, В.В. Григорьева и др.).

3. Статьи в «Туркестанских ведомостях» и «Православном благовестнике».

II период:

1. 20–50-е гг. Антирелигиозная и антицерковная публицистика, заметки, фельетоны в республиканской периодической печати.

2. 50–80-е гг. Первые научные и методические разработки по антирелигиозной деятельности: М. Исмаилова. «О преодолении религиозных пережитков в сознании людей»; К.-Г.К. Каракеев. «Из истории культурного строительства в Киргизстане»; В.Я. Галицкий и В.М. Плоских. «Старинный Ош».

3. Сборники архивных материалов – «Победа Октябрьской революции в Киргизии. Сб. документов. 1917–1918»; «Уездно-городские партийные организации Киргизии (1918–1924 гг.)»; «Против религиозного обмана и мракобесия. Сб. материалов о реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителей культа в Киргизии»; «Документы свидетельствуют. О реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителей культа в Киргизии».

III период:

1. *Духовная литература.* Статьи митрополита Бишкекского и Среднеазиатского Владимира «Слово в день памяти Святого Апостола Фомы», «Ангельский мир Святой Руси» и др.; книги – «Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия».

Публикации в православном епархиальном журнале «Восток свыше» и газете «Православный мир».

2. *Научная литература* представлена трудами А. Табышалиевой «Вера в Туркестане»; П.П. Литвинова «Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865–1917)», «Неисламские религии Туркестана»; А.П. Яркова «Белорусы в Кыргызстане»; С.В. Плоских «Репрессированная культура Кыргызстана»; Е.Е. Озмитель «Православие в Киргизии XIX–XX вв. Исторический очерк»; Е.В. Носова «К истории взаимоотношений государства и Православной церкви в Кыргызстане».

Статьи В.Я. Галицкого и А.П. Яркова «О православной культуре в

дореволюционном Киргизстане»; Е.Е. Озмитель «Церковный приход в системе государственного администрирования 1910–1916 гг.», «Великая Отечественная война в судьбе Воскресенского собора г. Бишкек» и др.

Е.Е.Озмитель
(Кыргызско-Российский Славянский университет, Киргизия)
Классификация источников по истории православной культуры
в Средней Азии (2-я половина XIX – начало XX вв.)

Принципы классификации и отбора источников продиктованы, во-первых, предметом исследования. В нашем случае состав источников будет определяться пониманием православной культуры как комплекса социальных, политических, экономических, художественных, бытовых, этнографических и пр. явлений и отношений, связанных с идеями и деятельностью членов Русской Православной Церкви, но внешними по отношению к собственно церковной жизни. Вводимое разграничение церковной («официальной») истории и истории православной культуры расширяет предмет исследования истории православия. С необходимостью расширяется и круг источников.

Широко понимаемая православная культура предполагает использование «тотальных» методов исследования. Очень важна кропотливая интроспективная работа с любыми свидетельствами о прошлом. При изучении истории православной культуры необходимо обращаться к различным наукам, каждая из которых имеет специфический круг источников. По истории православной дореволюционной культуры в Средней Азии выявлены следующие группы источников:

Письменные:

1. Документы фондов Синода в Российском государственном историческом архиве, материалы азиатского фонда Российского государственного военно-исторического архива, документы фондов центральных и областных архивов среднеазиатских республик, церковных и личных собраний.

2. Дореволюционные периодические издания, самым ценным из которых является Туркестанский епархиальный вестник, выходивший с 1906 по 1918 г.

3. Статистические отчеты, календари, обзоры и прочие справочные печатные издания. Самые ценные из них – это ежегодные стат. отчеты по всем среднеазиатским областям России.

4. Печатные материалы ревизионных комиссий, путевые заметки, очерки, этнографические и аналитические обзоры Туркестанского края.

5. «Атеистические» публикации в советской прессе 20–30х гг.

Устные: полевые социологические и этнографические исследования советского и постсоветского периода.

Материальные: памятники церковной архитектуры, иконописи, произведений прикладного искусства, собрания книг и рукописей религиозного содержания.

По характеру информации и достоверности источники можно разделить на прямые и косвенные. Прямые – это дореволюционные памятники церковного искусства, церковная документация, синодальные и епархиальные послания и постановления, официальные отчеты и частные наблюдения, хранящиеся в архивах или публиковавшиеся в церковной прессе. Косвенные – атеистическая публицистика, этнографические и социологические исследования советского и постсоветского периода.

Р.Ю.Почкаев
(ЮФ СПбГУ)

К вопросу о «переписке» Батия и императора Фридриха II в период монгольского нашествия на Европу

Ряд историков утверждает, что Фридрих II Гогенштауфен и Бату вели переписку и даже заключили тайный союз для борьбы с папством¹. Это мнение основывается лишь на кратком сообщении германского хрониста первой пол. XIII в. Альбрика из монастыря Трех источников. Согласно сообщению под 1238 г., «повелитель татар («тартар») направил императору Фридриху послание, в котором предлагал выразить покорность, выбрав должность при дворе и земли во владение. На это император ответил, что хорошо разбирается в птицах и мог бы быть сокольничим»². Анализ текста не подтверждает факта переписки и тем более союза императора и Бату.

Во-первых, имя предводителя монгольских войск в сообщении не упоминается, а из переписки Фридриха II с монархами Европы в то

¹ См.: Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. С. 287; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 347; Денисов Ю. Н. Кто заказал татаро-монгольское нашествие? М., 2008. С. 80–93.

² Оригинал содержится в: *Chronica Albrici monachi trium fontium a monache novi monasterii Hoiensis interpolate* // MGH. T. XXIII. Hanover, 1874. P. 943.

время следует, что ему оно даже не было известно¹. Т. е., речь идет не о письме Бату, адресованном императору, а о послании хана Угедэя европейским монархам, составленном еще до похода на Запад: о нем упоминает венгерский доминиканец Юлиан, побывавший в Волжской Болгарии в 1236–1237 гг.²

Во-вторых, нет сведений, что ответ Фридриха II был написан для Бату и доставлен ему. Удивляет, что хронист был осведомлен о содержании послания императора, которое историки считают «секретным»! Следовательно, ответ Фридриха II был предназначен не предводителю монголов, а монархам Европы, особенно – папе римскому: император демонстрировал готовность опереться в борьбе с ним на кого угодно, даже на выходцев из ада, кем считали монголов в Европе. Фридриху и раньше удавалось заключать договоры с восточными властителями, так что его намерение выглядело в глазах европейцев весьма правдоподобным.

На деле же император не планировал союз с монголами и даже создавал коалицию для отпора им, а его сын Конрад IV «принял крест» для борьбы с ними³. В 1244 г. Фридрих II потерял Иерусалим, и у него не осталось интересов в регионах, бывших в сфере влияния монголов и, следовательно, причин налаживать с ними отношения.

Т. о., мнение о переписке и, тем более, союзе Бату и императора Фридриха следует считать историографическим мифом, не имеющим под собой реальных оснований.

Т.И.Султанов
(ВФ СПбГУ)

***Средневековая мусульманская историография
и проблемы этнической истории кочевников Центральной Азии***

Материалы по этнической истории номадов Центральной Азии, заключенные в мусульманской исторической литературе, довольно значительны по объему и разнообразны по своему фактическому составу. Эти материалы могут быть разделены на две группы: первая – этнографические обобщения самих мусульманских авторов; вторая –

¹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006. С. 284.

² Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. № 3. 1940. С. 88–89.

³ Матфей Парижский. Великая хроника // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 145; Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London, 2001. P. 107.

присутствующий в средневековых нарративных памятниках фактический материал, который подлежит научному осмыслению на современном уровне.

К первой группе материалов можно отнести, например, ученые концепции, а также теории мусульманских авторов Средневековья о происхождении народов и племен и их специфических свойствах. Опыт изучения показывает, что для первой группы материалов одним из проблемных вопросов можно считать вопрос о том, в какой мере теория и практика совместимы и совмещаемы в научных трудах средневековых мусульманских авторов.

Обратимся теперь ко второй группе выделенных нами материалов. Несмотря на относительное обилие содержащегося в мусульманской литературе фактического материала, многие вопросы этнической истории тюрков-кочевников остаются до сих пор слабо разработанными. Это можно объяснить отчасти трудностями, с которыми приходится сталкиваться исследователям средневековой литературы. Оно и понятно. Тогда в историографии господствовало представление, что содержание истории ограничивается событиями военно-политической жизни общества. Поэтому этнографические и социальные процессы, далекие по своему характеру от конкретности событий политической и военной жизни, отмечаются историками лишь вскользь, иносказательно. Вследствие чего выявление и исследование этого ценного материала требует тщательной исследовательской работы со стороны специалистов, имеющих к тому же возможность пользоваться дополнительными источниками.

Н.С.Терлецкий
(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)
Некоторые сведения о жизни и творчестве
Мирза Каландара Исфараги

Среди ранних сочинений кокандской историографии выделяется *Шах-нама-и Умар-хани*, дошедшее до нас в рукописном виде. В частности, в собрании Института восточных рукописей РАН хранится список данного сочинения, зарегистрированный под номером С-471. Автором сочинения является Мирза Каландар Исфараги. В самом тексте произведения имени составителя не указывается. Говоря о себе, автор применяет *тахаллус* Мушриф. Помимо *тахаллуса* Мушриф автор *Шах-нама-и Умар-хани* известен как обладатель еще одного поэтического псевдонима – Фикри. Полное имя автора дает нам Мулла Аваз-Мухаммад Аттар в своем труде *Тухфат ат-Таварихи Хани*, когда ссылается на рассматриваемое нами сочинение Мушрифа.

Важно отметить, что здесь произведение названо *Тарих-и Амир Умар-хани*, что несколько точнее определяет содержание рассматриваемого труда, чем то название, которое мы встречаем в тексте рукописи С-471. В ней автор именуется свое произведение *Шах-нама*. Ранее в тексте встречается еще одно название – *Шах-нама-йи нусрат-и пайам*. Таджикский список сочинения озаглавлен *Шах-нама-йи Умар-хани*. Данное сочинение представляет собой прозаическое переложение поэтической хроники *Умар-нама*, принадлежащей перу Абд ал-Карима Намангани, также известному под *тахаллусом* Фазли.

Сведения о Мирза Каландаре крайне скудны. Из *нисбы* Исфараги можно сделать вывод, что автор был родом из города Исфары. Этот факт перекликается с информацией, которую дает нам поэтический сборник Фазли Намангани *Маджмуа-йи Шу'ара*. Здесь же упоминается, что Мирза Каландар Исфараги занимал пост судьи (*кази*), что подтверждается сведениями из более позднего сочинения кокандской историографии – труда Мухаммад Хаким-хана тура *Мунтахаб ат-Таварих*. Здесь автор говорит, что Мирза Каландар был назначен Умар-ханом на пост войскового судьи (*кази аскар*). Мы не имеем какой-либо информации относительно дат и обстоятельств рождения и смерти Мушриффа.

Помимо *Шах-нама-и Умар-хани* Мирза Каландар Исфараги известен как автор целого ряда других произведений. Немало его поэтических сочинений, в основном *касиды* и *газали*, вошли в состав разнообразных антологий, *байазов*, *тазкира*. Однако отдельный *диван газалей* Мушрифом, видимо, составлен не был.

В собрании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН за номером В1001 хранится список другого произведения этого автора. Сочинение носит название *Рисала-йи аскериа* и представляет собой трактат о роли правителя, министров в также войска в деле управления государством, изложенный в аллегорической форме трактата о шахматной игре. Данный труд, состоящий из 52 листов, был составлен в 1234/1819 г. и посвящен Умар-хану. Он делится на 6 глав (*баб*) и заключение (*хатима*). Авторство подобного сочинения, посвященного специфической тематике, свидетельствует о немалой осведомленности Мирза Каландара Исфараги в вопросах государственного управления и военной организации, что может служить дополнительным доказательством того, что он занимал пост войскового судьи.

Ш. Шакирова
(ТашГИВ, Ташкент)

*Изучение научного наследия Бабаджана Санои на примере рукописей
«Канз-ул-маориф» и «Хадикаи азхар»*

1. Бобожон Санои – ученый-философ, поэт и писатель. Санои оставил после себя ряд оригинальных и переводных произведений. К его сочинениям относятся: «Хадикаи азхар», написано в 1277 г. (1861 г.), состоит из восьми глав; «Канз-ул-маориф», дата не указана. Если учесть, что при переписывании поставлена дата «Хадикаи азхар» (Санои собственноручно переписал это произведение в 1861 г.), то станет ясно, что оно создано в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века /2.66/. Произведения Б.Санои вместе с его переводами хранятся в ИВ АНРУ.

2. «Хадикаи азхар» и «Канз ул-маориф» – научно-философские труды, но и в них автор стремится исследовать волнующую его проблему человека, размышляет о личности и ее поведении, добрых делах и нравственных пороках, исследует природу духа человеческого, хочет проникнуть в его глубины. Он оставил перед собой задачу определить сущность, характер, побуждения человека, его отличие от других живых существ, его место в жизни.

3. В каждом своем произведении Санои пытался ответить на поставленные вопросы. Так, в «Хадикаи азхар» решил исследовать природу человека как высшего существа, дать на узбекском языке глубокое теоретическое истолкование философии духа, изложенной в трактатах Аристотеля и Платона, развитой Фараби и Авиценной. Можно утверждать, что подобных научных трудов на узбекском языке до Санои не было. Он впервые проводит увлекательные научные наблюдения над животным и растительным миром, устанавливает его связи с натурой человека, рассуждает о его созидательных возможностях, психике, чувствах (зрение, слух, осязание, обоняние, ощущение), о его умственной и речевой способностях. Интересно, что Санои, излагая в начале книги теоретические основы суфизма (в частности, по поводу очищения духа путем обуздания естественной страсти), пытается объяснить натуру человека с точки зрения Фараби и Авиценны.

4. Если трактат «Хадикаи азхар» посвящен исследованию естества человека, то в «Канз-ул-маориф» превалирует мистический аспект восприятия природы человека. Автор описывает закономерности уровня дервишества – приближение к Богу, закалку духа и познание истины. Санои, исследуя человека как явление природы, придерживается естественно-философских взглядов, а размышляя о месте человека в обществе и его нравах, опирается на учение суфизма. В философском аспекте человек рассматривается в «стихотворных

дастанах» Санои, но здесь данная проблема интерпретируется посредством художественных образов. В связи с этим он излагает легенду о происхождении человека; рассказывает об отношении человека к природе, к земле, о его месте в жизни, долге и задачах.

*Афтандил Эркинов
(НУ Узбекистана, Ташкент)*

*Эпоха поздних Тимуридов как культурная модель
в Хивинском ханстве при Мухаммад Рахим-хане II (1864–1910)*

В начале 1908 г. в Хивинском ханстве, при дворе Мухаммад Рахим-хана II Фируза (1864–1910), поэт Ахмад Табиби (1868–1910) составил сборник под названием «Маджму‘а-йи шу‘ара-йи Фируз-шахи» («Собрание поэтов [из окружения] шаха Фируза»), в котором были приведены образцы стихов 32 поэтов. Они были написаны в подражание к стихам Мухаммад Рахим-хана II, писавшего под поэтическим псевдоним (тахаллус) Фируз и составившего свой собственный диван – сборник поэзии. Мухаммад Рахим-хан II приказал этим 32 поэтам составить подражания-ответы на 101 его газелей. Они их создали, всего в данном сборнике газелей стало 3 099 единиц.

По нашим наблюдениям, основную историко-идеологическую парадигму сборника составляет интерес и подражание личности Амира Тимура (1370–1405) и Тимуридов (1370–1506), то есть некая имитация культурных моделей той эпохи. Заметно также подспудное желание «воссоздать» эпоху Тимуридов, провозгласив себя их прямыми или духовными преемниками. Это стремление можно обнаружить также и в «манерном подражании» ключевым личностям эпохи Тимуридов, например таким, как Хусайн Байкара (1469–1501) и придворный поэт Алишер Навои (1441–1501). Ведь давно известно, что в период правления Хусайна Байкара культура и искусство достигли своего апогея. Эта была эпоха своеобразного культурного ренессанса. Таким образом «Маджму‘а-йи шу‘ара-йи Фируз-шахи» является не только поэтическим, но и политическим сборником. В нашем докладе мы предложим свое видение, условно говоря, «идеологической» и одновременно исторической подоплеку сборника стихов Ахмада Табиби.